

Guénon René. L'erreur spirite. Paris, 1923. Пер. с французского Андрея

Игнатьева

Часть первая

Глава VI

Спиритизм и психизм

Мы уже прежде заявляли, что если мы полностью отрицаем все теории спиритизма, мы не оспариваем этим реальности феноменов, на которых спириты основывают эти теории. Теперь нам следует дать более подробное объяснение по этому поводу. Мы хотели лишь сказать, что не собирается оспаривать а priori реальность ни одного феномена, раз этот феномен кажется нам возможным, и нам следует допустить возможность всего того, что не является по своей сущности абсурдным, то есть всего того, что не подразумевает противоречия. Другими словами, мы допускаем в принципе все то, что отвечает представлениям о признанной возможности в смысле, который является одновременно метафизическим, логическим и математическим. Теперь, если речь идет об осуществлении такой возможности в определенном и особом случае, необходимо, естественно, рассмотреть другие условия: сказать, что мы допускаем в принципе все феномены, о которых идет речь, совсем не означает сказать, что мы допускаем без какого-либо исследования все примеры, о которых сообщают с более или менее серьезными гарантиями, но нам не следует подвергать их критике, это дело экспериментаторов, и с точки зрения, на которой мы находимся, это не имеет никакого значения. В самом деле, если определенный род явлений возможен, для нас не представляет интереса, является ли истинным или ложным одно или другое отдельное явление, относящееся к нему. Единственная вещь, могущая нас интересовать, это знать, каким образом явления этого порядка могут быть объяснены, и если у нас есть удовлетворяющее объяснение, всякая другая дискуссия кажется

нам излишней. Нам хорошо понятно, что это не позиция ученого, собирающего факты для того, чтобы прийти к какому-либо убеждению и рассчитывающего лишь на результат своих наблюдений для выработки теории. Но наша точка зрения очень далека от этой, и к тому же мы не думаем, что одни лишь факты могут, в самом деле, послужить основой теории, так как они могут почти всегда быть равным образом объяснены при помощи нескольких разных теорий. Мы знаем, что факты, о которых идет речь, возможны, потому что мы можем их связать с определенными известными нам принципами. И поскольку это объяснение не имеет ничего общего с теориями спиритов, у нас есть право сказать, что существование феноменов и их изучение являются вещами, совершенно независимыми от спиритизма. Тем более, нам известно, что такие феномены действительно существуют. Мы располагаем, к тому же, в этом отношении свидетельствами, на которые спиритизм не мог оказать никакого влияния, потому что одни из них значительно предшествовали ему по времени, а другие происходили из кругов, куда он никогда не проникал, из стран, где само его название также неизвестно, как и его учение. В феноменах, как мы уже говорили, нет ничего нового, ни свойственного исключительно спиритизму. А значит, у нас нет никаких оснований поставить под сомнение существование этих феноменов, и напротив, многое побуждает нас рассматривать их как реальные, но разумеется, речь идет при этом всегда об их существовании, рассматриваемом в общем, и к тому же для цели, которую мы себе здесь, поставили всякие иные соображения совершенно бесполезны.

Если мы полагаем необходимым принять эти меры предосторожности и сформулировать эти оговорки, то это потому что, не говоря о рассказах, которые могли быть целиком выдуманы любителями глупых шуток или ради специальной цели, имеют место бесчисленные случаи мошенничества, как

это вынуждены признать сами спириты¹. Но мы очень далеки от того, чтобы на этом основании утверждать, что все является лишь обманом. Мы тем более не понимаем, что отрицатели из предвзятого мнения, останавливаются, настолько, насколько они это делают, на установленных фактах мошенничества и полагают, что они отыскали твердый аргумент в свою пользу. Мы тем менее это понимаем, что, как мы говорили об этом по другому случаю², любой обман всегда является лишь имитацией действительности. Эта имитация, может быть, без сомнения более или менее искаженной, но все-таки невозможно представить себе имитацию того, что не существует, и это было бы сделать слишком большую честь мошенникам оказать их способными осуществить нечто целиком новое, чего человеческое воображение не достигнет, впрочем, никогда. Кроме того, на спиритических сеансах имеют место случаи мошенничества нескольких категорий: самый простой случай, но не единственный, это случай профессионального медиума, который, когда он не в силах произвести настоящие феномены по той или иной причине, вынужден из соображений выгоды их имитировать. Именно поэтому любого оплачиваемого медиума следует держать под подозрением и следить за ним очень пристально. Даже за неимением выгоды одно лишь тщеславие может также побудить медиумов к мошенничеству. Большинству медиумов, даже самым знаменитым, случалось быть пойманными на месте преступления. Это совершенно не доказательство того, что они не обладают весьма реальными способностями, но только то, что они не всегда в состоянии использовать их по желанию. Спириты, будучи часто импульсивны, не правы, в таких случаях бросаясь из одной крайности в другую и считая полным псевдомедиумом того, кого постигла подобная неудача, если только она не случалась более одного раза. Медиумы вовсе не святые, как хотелось бы заставить в это поверить

¹ Медиум Данглас Хоум, достаточно мало щадя своих коллег, взялся за обличение и объяснение большего числа случаев мошенничества (*Home D. D. Les Lumières et les Ombres du Spiritualisme*. P. 186-235).

² *Guénon R. Théosophisme: Histoire d'une Pseudo-Religion*. P. 50 – 52.

некоторым фанатичным спиритам, окружающих их настоящим культом, но они больные люди, что совсем другое дело, вопреки нелепым теориям некоторых современных психологов. Необходимо всегда принимать во внимание это ненормальное состояние, позволяющее объяснять случаи мошенничества другого рода: медиум, как и истерик, испытывает непреодолимую потребность во лжи, даже без причины, что все гипнотизеры констатируют также у своих клиентов, и в подобном случае он несет очень небольшую ответственность, если даже вообще несет. Тем более он в высшей степени способен не только к самовнушению, но и к тому, чтобы подвергаться внушению со стороны своего окружения и совершать, как следствие, неосознанные поступки: достаточно, что от него ждут производства определенного феномена, для того чтобы он был вынужден его автоматически имитировать¹. Таким образом, есть случаи мошенничества, являющиеся лишь полусознательными, и другие, которые совершенно неосознанны, когда медиум часто засвидетельствует наличие умения, от обладания которым он весьма далек в своем обычном состоянии. Все это относится к области патопсихологии, которая впрочем, никогда не изучалась, как следовало бы. Многие люди не догадываются, что даже в этой области имитации есть тема исследований, которая была бы совершенно не лишена интереса. Мы оставим теперь в стороне эту тему мошенничества, но не обойдется без выражения сожаления, что обычные концепции психологов и их методы исследования столь узко ограничены, что упомянутые только что нами вещи ускользают от них почти полностью, и что даже когда они хотят ими заниматься, они в этом почти ничего не понимают.

Мы не одиноки в мысли, что изучение феноменов может быть предпринято совершенно независимым образом от спиритических теорий.

¹Мы напомним также случай псевдомедиумов, которые сознательно или нет и вероятно, по крайней мере под частичным влиянием внушения, кажется, являлись орудиями достаточно таинственной деятельности. По этому поводу мы отошлем к тому, что мы говорили о манифестациях мнимого «Джона Кинга», описывая происхождение теософизма.

Таково также мнение тех, кого называют «психистами», и которые являются или хотят являться в общем экспериментаторами, чуждыми предвзятых представлений (мы говорим «в общем», потому что здесь также следовало бы провести несколько различий), и которые даже воздерживаются часто от формулировки какой-либо теории. Мы оставим термины «психизм» и «психические феномены», поскольку они чаще всего используются, и также потому что мы не имеем ничего лучшего в нашем распоряжении, но они не без того, чтобы дать повод для некоторой критики: таким образом, если подходить со всей строгостью, «психический» и «психологический» должны бы являться полными синонимами, однако как раз не таким образом их понимают. Феномены, именуемые «психическими», находятся целиком вне сферы классической психологии, и если даже предполагается, что они могут иметь с ней какие-нибудь связи, это в любом случае крайне отдаленные связи. Впрочем, по нашему мнению, экспериментаторы обманывают себя, когда полагают, что в силах втиснуть все эти явления без разбора в то, что условлено называть «психофизиологией». Правда в том, что здесь налицо явления многих видов, которые не могут быть сведены к одному-единственному объяснению. Но большинство ученых не настолько чужды предвзятости, как они себе воображают, и прежде всего, когда речь идет о «специалистах», которым присуща невольная тенденция сводить все к тому, что является предметом их обыкновенных исследований. Это означает, что выводы «психистов», когда они их представляют, следует принимать лишь при условии проверки. Предубеждения могут оказать влияние даже на наблюдения; занимающиеся экспериментальной наукой обладают обычно достаточно своеобразными представлениями о том, что возможно и что нет, и честнейшим образом они вынуждают факты согласовываться с этими представлениями. С другой стороны, они сами, являясь самыми яркими противниками спиритических теорий, могут, тем не менее, без своего ведома и не по своей воле подвергаться некоторым образом влиянию спиритизма. Как бы там ни было, несомненно, что феномены, о которых идет речь, могут

составлять предмет экспериментальной науки, как и другие, отличные от остальных, без сомнения, но того же самого порядка, не представляя, в итоге, не большей и не меньшей важности и не большего и не меньшего интереса. Нам совершенно непонятно, отчего есть люди, которым нравится называть эти феномены «трансцендентными» или «трансцендентальными», что немного смешно¹. Это последнее замечание вызывает другое: дело в том, что термин «психизм», несмотря на его неудобства, в любом случае гораздо предпочтительнее по сравнению с термином «метапсихика», изобретенным д-ром Шарлем Рише и принятым впоследствии д-ром Гюставом Желе² и некоторыми другими. «Метапсихика», очевидно, является калькой с «метафизики», что не оправдывает никакая аналогия³. Какого бы мнения не придерживались о природе и причине обсуждаемых феноменов, их можно рассматривать как «психические», тем более что это слово, в конце концов, стало иметь для современных людей очень неопределенный смысл, а не как то, что находится «за пределами психического»: некоторые, возможно, находятся даже скорее по эту сторону. Кроме того, изучение не важно каких феноменов составляет часть «физики» в очень общем смысле, в котором её понимали древние, то есть знаний о природе, и это изучение происходит без всякой связи с метафизикой, то есть того, что находится «по ту сторону

¹ Существует даже «Общество исследований трансцендентальной фотографии», основанное Эммануэлем Воше и возглавляемое д-ром Фово де Курмеля. Общество имеет своей целью «поощрение и вознаграждение фотографирования сущностей и излучений пространства». Любопытно видеть, до какой степени может быть искажено обычное значение некоторых слов. – *Прим. авт.* Позднее рерихианцы и другие неоспиритуалисты совершенно безосновательно стали связывать «фотографирование ауры» с эффектом Кирлиана. – *Прим. пер.*

² Гюстав Желе (Geley Gustave; 1868 - 1924) - французский врач, исследователь психики, первый директор Международного метапсихического института (Париж). – *Прим. пер.*

³ Совершенно недавно д-р Рише, представляя свой «Трактат о метафизике» в Академии наук, заявил буквально следующее: «Подобно тому как Аристотель над физикой ввел метафизику, над психикой я помещаю метапсихику». Нельзя ли быть более скромным?

природы», и в силу этого же по ту сторону любого возможного опыта. Не существует ничего, что может быть сопоставлено с метафизикой, все те, которым известно, чем она по-настоящему является, не могут чересчур энергично протестовать против подобных отождествлений. Правда, в наши дни ни ученые, ни даже философы, кажется не имеют о ней ни малейшего представления.

Мы только что сказали, что существует много видов психических феноменов, и сразу добавим в этом отношении, что сфера психизма, как нам кажется, может быть расширена за счет многих других феноменов, чем феномены спиритизма. Правда, что спириты очень всеядны: они стараются использовать в интересах своих идей множество явлений, которые должны бы оставаться им совершенно чужды, так как они не являются следствием их практики и не имеют никакого прямого или косвенного отношения к их теориям, поскольку очевидно невозможно подумать о том, чтобы примешать в них «духов умерших». Не говоря о «мистических феноменах», в собственном, теологическом смысле этого выражения, феноменах, к тому же целиком ускользающих от внимания обычных ученых, мы упомянем только о явлениях наподобие тех, которые объединяют под названием «телепатия» бесспорно являющиеся следствием действий живущих в настоящее время существ¹. Немыслимые претензии спиритов на присвоение самых разнообразных вещей не обходятся без того, что они способствуют созданию и поддержанию в общественном мнении достойной сожаления путаницы: нам неоднократно представлялся случай контрастировать, что есть люди, которые доходят до того, что смешивают спиритизм с магнетизмом и даже с

¹ Большое количество этих фактов были собраны Гурнеем, Майерсом и Подмором, членами Лондонского Общества психических исследований, в труде, озаглавленном «Phantasms of the Living». Существует французский перевод этого труда, но переводчик счел должным дать ему такое причудливое название: «Телепатические галлюцинации», что совершенно не соответствует намерению авторов, потому что речь идет о реальных феноменах, и что любопытным образом выдает уозсть взглядов официальной науки.

гипнотизмом. Это, возможно, не происходило бы так часто, если бы спириты не вмешивались в случаи, которые их никак не касаются. По правде говоря, среди феноменов, происходящих на спиритических сеансах, есть действительно относящиеся к области магнетизма или гипнотизма и на которых медиум ведет себя не иначе как обычная сомнамбула. А именно мы намекаем на феномен, называемый спиритами «инкарнацией» и являющийся, в сущности, ничем иным, как случаем «ненормальных состояний», именуемых неподходящим образом «множественными личностями» и проявляющихся часто также у больных и у подвергаемых гипнозу, но естественно, спириты дают совершенно иную интерпретацию. Внушение играет равным образом большую роль во всем этом, и все, что есть внушение и передача мыслей, связано, очевидно, с гипнотизмом или с магнетизмом (мы не останавливаемся на различии, которое есть основание проводить между этими двумя вещами, различии, которое достаточно трудно уточнить и которое не имеет здесь значения); но раз к этой сфере отнесли какой бы то ни было феномен, спиритизма это более совершенно не касается. Напротив, мы не видим никакого неудобства в том, чтобы связывать такие феномены с психизмом, границы которого являются очень неопределенными и нечеткими. Возможно, современные экспериментаторы не возражают против того, чтобы заниматься в рамках одной науки вещами, могущими быть предметом нескольких различных наук для тех, кто изучает их иным образом и кто, не побоимся сказать об этом открыто, знает лучше, о чем в действительности идет речь.

Это приводит нас к тому, чтобы немного поговорить о трудностях, с которыми сталкивается психизм: если ученым не удастся в этой сфере добиться несомненных и удовлетворительных результатов, это не только потому, что они имеют дело с малоизвестными им силами, но прежде всего потому что эти силы не действуют таким же образом, как те, которыми они привыкли заниматься, и почти не подчиняются методам наблюдения,

успешно используемым для этих последних¹. В самом деле, ученые не могут похвастаться уверенным знанием подлинной природы электричества, например, однако это не препятствует им изучать его с своей «феноменистской» точки зрения и особенно использовать его в отношении практического применения. Итак, в нашем случае необходимо нечто другое, чем это невежество, которому экспериментаторы достаточно легко уступают. Важно заметить, что сфера компетенции ученого «специалиста» очень ограничена. Помимо его привычной области, он не может утверждать что-либо с большей степенью авторитета, чем первый встречный, и каковой бы ни была его ценность, у него не будет другого преимущества, чем то, которое может ему дать некоторая точность в наблюдениях, хотя это преимущество лишь несовершенным образом компенсирует определенные профессиональные искажения. Именно поэтому психические опыты Крукса², если взять один из самых известных примеров, на наш взгляд, вовсе не обладают исключительной важностью, которую многие полагают необходимым им приписывать. Мы весьма охотно признаем компетентность Крукса в областях химии и физики, но не видим никакого основания распространять ее на совершенно иную область. Даже самые серьезные научные звания не страхуют экспериментаторов от достаточно обычных неприятных случаев, как, например, просто-напросто позволить себя обмануть медиуму: возможно, это случилось с Круксом; наверняка, это

¹ Заметим, что Е. И. Рерих причину кризиса парапсихологии видела в том, что к опытам их устроители, не обладая чистотой намерений («Надземное», 363. Надземное. Т. 2. С. 130), привлекают, как правило, «малообразованных медиумов», в то время, как нужно подбирать людей, обладающих высоким духовным «синтезом» (Рерих Е. И. Письма. Т. 1. 1929 - 1938. С. 315. Письмо от 12 декабря 1934 г. Т.8. С. 197. Письмо от 14 августа 1936 г.). При этом, она ссылаясь на мнение Дж. Райна, что медиумы являются далеко не лучшими телепатами (Рерих Е. И. Письма. Т. 2. 1929 - 1938. С. 109. Письмо от 7 февраля 1936 г.). – Прим. пер.

² Уильям Крукс (William Crookes; 1832 - 1919) – английский химик и физик, президент Лондонского Королевского общества (1913 – 1915). Увлекался изучением спиритизма и паранормальных явлений, сам считал себя спиритом. – Прим. пер.

случилось с д-ром Рише, и чересчур известные истории о вилле Кармен в Алжире делают достаточно мало чести проницательности этого последнего. Впрочем, этому есть оправдание, так как эти вещи вполне способны сбить с толку физика или физиолога, даже психолога и из-за неприятного последствия специализации нет никого более наивного и более лишенного всякого средства защиты, чем некоторые ученые, после того как они покидают привычную им сферу: мы не знаем лучшего примера в этом отношении, чем пример вымышленной коллекции автографов, которую знаменитый фальсификатор Врэн-Люка заставил принять за настоящие математика Мишеля Шаля¹; ни один психист не достиг еще подобной степени сумасбродной наивности².

Но не только сталкиваясь с мошенничеством, экспериментаторы оказываются безоружными, за незнанием специфической психологии медиумов и других лиц, к которым они обращаются; они еще подвержены многим другим опасностям. Вначале, что касается манеры проведения опытов, столь отличных от тех, к которым они привыкли, эти ученые оказываются иногда в самом большом затруднении, хотя они не желают это признавать, ни, возможно, признаваться в этом самим себе. Таким образом, до них не доходит, что имеются явления, которые нельзя воспроизвести по собственному усмотрению, и что эти явления, однако, столь же реальны, как и другие. Они также считают себя вправе устанавливать произвольные или невозможные условия, словно требуя производства при полном освещении

¹ Дени Врэн-Люка (Denis Vrain-Lucas; 1818 — 1881) — французский фальсификатор. Прославился тем, что за 8 лет сумел в одиночку создать 27 тысяч подложных писем, приписав их великим людям прошлого. Весь этот огромный корпус был приобретён математиком и коллекционером старинных рукописей Мишелем Шалем за сумму в 140 тысяч франков. — *Прим. пер.*

² Анри Пуанкаре, более благоразумный, чем многие другие, или в большей степени сознающий недостаточность своей подготовки, отказался от попытки провести опыт с Эвзапией Паладино, будучи заранее чересчур уверен, как он писал, что «его обманут» (статья г-на Филиппа Пагу в: *Entretiens Idealistes*. 1914, juin. P. 387).

феноменов, для которых темнота может быть необходимой. Они смеялись бы, конечно, и с полным правом, над невеждой, который в области физико-химических наук демонстрировал бы такое же полное непризнание всех законов и хотел бы тем не менее во что бы то ни стало вести какие-либо наблюдения. Затем, с более теоретической точки зрения, эти же самые ученые склонны к игнорированию границ опытного исследования и к требованию от него того, что оно не в состоянии дать. Поскольку они поглощены исключительно экспериментами, ученые охотно воображают, что это есть единственный источник всякого возможного знания. Впрочем, специалист менее расположен, чем кто-либо, определить границы, за пределами которых привычные для него методы теряют ценность. Наконец, вот то, что, возможно, является самым серьезным: всегда крайне неблагоприятно, как мы говорили, вводить в игру силы, о которых ничего не знаешь. Между тем в этом отношении самые «научные» психисты не обладают особыми преимуществами над обычными спиритами. Есть вещи, которых нельзя безнаказанно касаться, когда отсутствует необходимое теоретическое направление, чтобы быть уверенным, что никогда не заблудишься. Мы никогда не перестанем это повторять, тем более что в области, о которой идет речь, такое блуждание является одним из самых обычных и самых губительных последствий действия сил, над которыми проводится эксперименты. Число людей, теряющих на этой почве рассудок, подтверждает это как нельзя лучше. Между тем, обычная наука совершенно не способна дать малейшее теоретическое направление, и нередко можно увидеть психистов, которые, не дойдя до того, чтобы говорить вздор в собственном смысле слова, блуждают, однако, плачевным образом: мы понимаем в этом случае всех тех, которые, начав с чисто «научных» намерений, в конце концов полностью и открыто порвали со спиритизмом. Мы скажем даже больше: уже неприятно, что обязанные обладать способностью к размышлению люди допускают простую возможность гипотезы спиритов, и однако имеются ученые (мы могли бы даже сказать,

что почти все среди ученых), которые не видят, отчего ее нельзя допускать и, которые, даже отбрасывая ее «а priori», словно опасаются отсутствия беспристрастности, которой они связаны. Они не верят в нее, конечно, но все-таки не отвергают ее совершенным образом и держатся только настороже, занимая позицию чистого и простого сомнения, одинаково далекого как от отрицания, так и от подтверждения. К несчастью, имеются большие шансы, чтобы начинающий психические исследования с таким расположением духа не останется на этой позиции и что он незаметно встанет скорее на сторону спиритов, нежели чем противоположную: вначале его образ мышления уже имеет, по крайней мере, одну точку соприкосновения с образом мышления спиритов, в том, что он является главным образом «феноменистским» (мы не берем это слово в том смысле, в котором оно прилагается к философской теории, мы обозначаем им просто нечто вроде чрезмерного пристрастия к феномену, которое лежит в основе «научного» духа); затем, присутствует влияние самой спиритической среды, с которой психист неизбежно вступает в контакт, по крайней мере, косвенно, хотя бы посредством медиумов, с которыми он будет работать, а та среда представляет собой страшный центр коллективного и взаимного внушения. Экспериментатор бесспорно воздействует на медиума, что к тому же искажает результаты, как только он обнаруживает малейшую предвзятую мысль, какой бы туманной она не была. Но без сомнения, экспериментатор, в свою очередь, сам может находиться под влиянием медиума, и это было бы еще ничего, если бы здесь был только медиум, но здесь также присутствуют все влияния, которые он приносит с собой и о которых самое малое, что можно сказать, что они являются в высшей степени вредными. В этих условиях психист оказывается во власти какого-либо случая, чаще всего совершенно сентиментального уровня: Ломброзо¹ Эвапия Палладино¹

¹Чезаре Ломброзо (Cesare Lombroso; 1835 - 1909) - итальянский тюремный врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в

показала призрак его матери, сэр Оливер Лодж получает «сообщения» от сына, убитого на войне², и больше ничего не нужно, чтобы привести к «обращению» в спиритизм. Эти случаи, возможно, еще более часты, чем думают, так как, несомненно, имеются ученые, которые, опасаясь вступить в конфликт со своим прошлым, не осмелились бы признать свою «эволюцию» и откровенно назвать себя спиритами, ни даже просто проявить в отношении спиритизма слишком подчеркнутую симпатию. Есть даже и такие, которые не любят, чтобы знали об их занятиях психическими исследованиями, как если бы это дискредитировало их в глазах коллег и общественности, слишком привычных к тому, чтобы отождествлять эти вещи со спиритизмом. Именно таким образом г-жа Кюри³ и г-н д'Арсонваль, например, скрывали на протяжении долгого времени, что они ставили опыты этого рода. Любопытно процитировать по этому поводу несколько строк из статьи, которую «Revue Scientifique» посвятил когда-то книге д-ра Жибье, о которой мы уже говорили: «Г-н Жибье высказывает пожелания основать общество для изучения этой новой отрасли психологической физиологии, и кажется полагает, что у нас он единственный, если не первый, среди компетентных

криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирожденном преступнике. – *Прим. пер.*

¹ Эвсапия Палладино (Eusapia Palladino, настоящее имя – Eusapia Raphael Delgaiz, 1854 – 1918) – медиум эпохи расцвета спиритуализма из Неаполя (Италия). Неоднократно уличалась в мошенничестве. – *Прим. пер.*

² Сэр Оливер Джозеф Лодж (Sir Oliver Joseph Lodge; 1851 – 1940) – английский физик и изобретатель, один из изобретателей радио. Лодж известен также по его исследованиям жизни после смерти. Он начал изучать психические феномены (в основном, телепатию) в конце 1880-х, был участником «Гоуст Клуба». С 1901 по 1903 г. был президентом Общества психических исследований. Написал книгу «Раймонд, или Жизнь и Смерть» о спиритических контактах со своим сыном Раймондом Лоджем после того, как тот в 1915 г. в 25-летнем возрасте погиб на фронте во Фландрии. – *Прим. пер.*

³ Имеется в виду Мария Склодовская-Кюри (Marie Curie; 1867 – 1934) – польский учёный-экспериментатор (физик, химик), педагог, общественный деятель. Активно интересовалась спиритизмом, несмотря на то, что поначалу принимала его за шарлатанство. – *Прим. пер.*

ученых, интересуется этим вопросом. Пусть г-н Жибье успокоится и будет доволен. Определенное число очень компетентных исследователей, даже тех, которые начали сначала и привнесли некоторый порядок в хаос сверхъестественного (sic), занимаются этим вопросом и продолжают их деятельность <...> не вынося ее на публику»¹. По-настоящему удивительно, что сходную позицию занимают люди, обычно столь любящие публичность и заявляющие непрерывно, что все то, чем они занимаются, может и должно быть разглашено настолько широко, насколько это возможно. Добавим, что редактором «Revue Scientifique» в этот период был д-р Рише; он-то, по крайней мере, если не другие, все-таки не удержится в рамках этой благоразумной сдержанности. Есть еще и другое замечание, которое полезно сделать: дело в том, что некоторые психисты, которых нельзя заподозрить в приверженности спиритизму, имеют странные точки соприкосновения с «неоспиритуализмом» вообще или с той или с иной из его школ. В особенности теософисты хвастались, что они привлекли многих из них в свои ряды, и один из их печатных органов когда-то утверждал, что «всех занимавшихся спиритизмом ученых, которых цитируют как классиков, это совершенно не привело к вере в спиритизм (за исключением одного или двух), что почти все они дали истолкование, сходные с истолкованием теософов, и что самые знаменитые из них являются членами Теософского общества»². Несомненно, что спириты слишком легко берут на себя многое, как вместе с ними все те, которые в разной степени замешаны в эти исследования и которые не являются их явными противниками, но теософисты, со своей стороны, возможно слишком поспешно придают значение приему в Общество некоторых людей, которые не задерживаются там. Им, однако, следовало помнить в таком случае пример Майерса³ и

¹ *Revue Scientifique*. 1886, 13 novembre. P. 631 - 632.

² *Le Lotus*. 1887, octobre.

³ Фредерик У. Майерс (Frederick W. H. Myers; 1843 – 1901) – британский поэт, эссеист, филолог; автор философских доктрин; активист первой волны спиритизма и один из основателей Общества Психических исследований

различных других членов Общества психических исследований Лондона, а также пример д-ра Рише, лишь мимоходом заглянувшего в их организацию и во Франции бывшего не в числе последних, откликнувшихся на разоблачение мошенничеств Блаватской со стороны вышеупомянутого Общества психических исследований¹. Как бы там ни было, только что процитированная нами фраза, возможно, содержала намек на г-на Фламариона, который тем не менее все же был ближе к спиритизму, чем к любой другой концепции. Определенно, она содержала намек и на Уильяма Крукса, в действительности вступившего в Теософское общество в 1883 г. и даже состоявшего членом Руководящего совета Лондонской ложи. Что касается д-ра Рише, его роль в пацифистском движении показывает, что он все же вполне сохранил нечто общее с «неоспиритуалистами», у которых гуманистические тенденции находят не менее яркое проявление. Для тех, кто хорошо знаком с этими движениями, совпадения, такие как это, представляют знак намного более явный и специфичный, чем другие склонны были бы полагать. В том же плане мы уже указывали на антикатолические тенденции некоторых психистов, таких как д-р Жибье. В том, что касается его, мы бы могли даже говорить в более общем плане об

(ОПИ). Книга Майерса «Человеческая личность и её жизнь после смерти тела» (англ. *Human Personality and Its Survival of Bodily Death*), опубликованная в 1903 г. (через два года после его смерти) считается классикой спиритической литературы. – *Прим. пер.*

¹В письме, которое мы процитировали в другом месте (*Guénon R. Théosophisme: Histoire d'une Pseudo-Religion. P. 74*), д-р Рише утверждает, что он знал г-жу Блаватскую через г-жу де Баро. Эта же самая личность играла определенную роль в окружении д-ра Жибье, как видно из этой заметки, идущей вслед за хвалой в адрес «великого и добросовестного ученого» Бюрнуфа: «Мы должны также особо упомянуть важную деятельность г-на Луи Леблуа из Страсбурга, знакомству с которым мы обязаны даме великих достоинств, г-же Каролин де Баро, матери одного из наших бывших учеников, а ныне нашего друга, д-ра Эмиля де Баро» (*Gibier P. Op. cit. P. 110*). Работа Леблуа «Библия и религиозные наставники человечества» способствовала наряду с книгами Жаколио внушению д-ру Жибье ложных представлений, которые он высказывал об Индии и ее учениях и на которые мы прежде указывали.

антирелигиозных тенденциях, по крайней мере, если только речь не идет о «советской религии», следуя выражению, дорогому для Шарля Фовети, одного из первых апостолов французского спиритизма. Вот несколько строк, взятых нами из его заключения и представляющих собой достаточный пример его пафосных речей: «мы имеем веру в Науку и мы верим твердо, что она навсегда избавит человечество от паразитизма всех разновидностей брахманов (автор имеет в виду священников), и что религия, или скорее, мораль, ставшая научной, однажды будет представлена особой секцией в академиях наук будущего»¹. Мы не хотели бы останавливаться на подобных глупостях, которые, к несчастью, вовсе не безобидны. Следовало бы, однако, предпринять любопытное исследование образа мышления людей, призывающих таким образом «Науку» по любому поводу и намеревающихся примешивать её к тому, что более всего чуждо ее сфере. Налицо еще одна из форм, которые интеллектуальная неуравновешенность охотно принимает у наших современников и которые, возможно, менее отдалены друг от друга, чем кажется. Разве не существует «сциентистский мистицизм» и даже «материалистический мистицизм», являющиеся, подобно «неоспиритуалистическим» заблуждениям, явным извращением религиозного чувства?²

Все то, что мы говорили об ученых, мы также можем сказать о философах, занимающихся подобным образом психизмом. Они гораздо меньше числом, но все-таки есть кое-кто. В другом месте³ у нас была возможность упомянуть между прочим случай Уильяма Джеймса⁴, к концу

¹ *Gibier P.* Op. cit. P. 383.

² Изобретенная Огюстом Контом «религия человечества» является одним из примеров, иллюстрирующих наилучшим образом то, что мы хотим здесь сказать. Но искажение может вполне существовать, не доходя до таких сумасбродств.

³ *Guénon R.* Théosophisme: Histoire d'une Pseudo-Religion. P. 35, 130.

⁴ Джеймс Уильям (William James; 1842 - 1910) - американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма. Согласно Джеймсу, религиозное переживание подобно

своей жизни проявившего резко выраженные тенденции в сторону спиритизма. Здесь необходимо остановиться, тем более что некоторые нашли «немного грубым» то, что мы назвали этого философа спиритом и особенно «бессознательным сатанистом». На эту тему мы сразу предупредим наших возможных оппонентов, с какой бы стороны они не выступали, что мы оставляем про запас много гораздо более «грубых» вещей, что не мешает им быть суровой правдой. К тому же, если бы им было известно, что мы думаем про огромное большинство современных философов, обожатели тех, кого принято называть «великими людьми», без сомнения пришли бы в ужас. Касательно того, что мы называем «бессознательным сатанизмом», мы дадим объяснение в другой части, но что до спиритизма Уильяма Джеймса, то следовало бы заметить, что речь идет лишь о последнем периоде (мы бы сказали «итоге») его жизни, так как взгляды этого философа были подвержены сильным изменениям. Между тем, признанный факт: Уильям Крукс обещал сделать после своей смерти все, что будет в его силах, чтобы установить контакт со своими друзьями и с другими экспериментаторами. Это обещание, сделанное, конечно, «в интересах науки», тем не менее подтверждает, что он допускал возможность гипотезы спиритов¹, а это серьезно для философа (или это было бы серьезно, если философия была бы тем, чем она хочет быть), и у нас есть основания предполагать, что он зашел еще дальше в этом смысле. Впрочем, само собой разумеется, множество американских медиумов записало «послания» от него. Эта история

всякому другому опыту, а религиозная вера, поскольку ее можно считать полезной, прагматически оправдана. Р. Генон подвергал взгляды Джеймса резкой критике, см.: *Генон Р. Царство количества и знамения времени. С. 226 – 233. – Прим. пер.*

¹ Этой позиции также придерживается французский университетский философ г-н Эмиль Буарак (Boirac), который в докладе «Научное исследование спиритизма», представленном на 1911 г., заявил, что гипотеза спиритов представляет «одно из возможных философских объяснений психических фактов» и ее нельзя отвергать «a priori» как «антинаучную». Возможно, она не является ни антинаучной, ни антифилософской, но она несомненно антиметафизична, что намного более серьезно и важно.

побуждает нас вспомнить случай с другим не менее известным американцем, изобретателем Эдисоном¹, который недавно утверждал, что открыл средство общения с умершими². Нам не известно, что из этого вышло, так как об этом умолчали, но мы все-таки были вполне спокойны за результаты. Этот эпизод поучителен в том, что показывает еще, что ученые с самым неоспоримым авторитетом и те, которых можно было бы считать за самых «позитивистских», совершенно не застрахованы от спиритической заразы. Но вернемся к философам: помимо Уильяма Джеймса, мы называли г-на Бергсона. Касательно него, мы ограничимся воспроизведением уже процитированной нами фразы, потому что она достаточно значима сама по себе: «Это было бы чем-то, это было бы даже больше, чем возможность установить на основе опыта вероятность бессмертия души на время X»³.

Это заявление является, по крайней мере, тревожным знаком, и оно свидетельствует нам, что его автор, уже столь близкий «неоспиритуалистическим» идеям во многих отношениях, по-настоящему встал на весьма опасный путь, и мы сожалеем больше всего о тех, которые, выражая ему свое доверие, рискуют быть увлечены на этот путь вслед за ним. Очевидно, для того чтобы предохранить от вздора худшего толка, философия годится не более, чем наука, потому что она даже не способна, мы не скажем, подтвердить (нам хорошо известно, что это было бы слишком много от нее требовать), но побудить к пониманию или просто предчувствию, сколь бы смутным оно не было, что гипотеза спиритов является лишь простой невозможностью.

¹ Томас Альва Эдисон (Thomas Alva Edison; 1847 – 1931) – всемирно известный американский изобретатель и предприниматель. Увлекался спиритизмом. – *Прим. пер.*

² Уже достаточно давно два голландских спирита, г-да Заальберг ван Зельст и Матла, сконструировали «динамистогрaф», или «аппарат, предназначенный для общения с потусторонним миром без медиума» (*Le Mond Spirituel*. 1912, mars).

³ *Bergson H. L'Énergie Spirituelle. Essais et conférences. Paris: Alcan, 1919.*

Мы могли бы привести еще немало других примеров, до такой степени психисты, которым присущи «неоспиритуалистические» тенденции, кажутся быть наиболее многочисленными, даже оставляя в стороне тех, которых можно в большей или меньшей степени заподозрить в спиритизме. Во Франции именно прежде всего оккультизм, в смысле, в котором мы его понимали в предыдущей главе, оказал сильное влияние на большинство среди них. Таким образом, теории д-ра Грассе, хоть он и католик, не обходятся без того, чтобы представить определенную связь с теориями оккультистов. Теории д-ра Дюрана де Гро, д-ра Дюпо, д-ра Барадюка, полковника де Роша, еще в большей степени близки к ним. Мы приводим здесь несколько имен, выбранных почти наудачу. Что же касается предоставления подтверждающих текстов, это было бы не очень трудно, но мы не можем помыслить о том, чтобы сделать это здесь, потому что это бы слишком увело нас от нашей темы. Итак, мы ограничимся этими несколькими констатациями и спросим, объясняется ли это в достаточной мере фактом, что психизм представляет мало изученную и не имеющую четкого определения сферу, и не является ли это скорее, именно потому что есть слишком много совпадающих случаев, неизбежным результатом рискованных исследований, в этой сфере, более опасной, чем какая-либо другая, предпринятых людьми, не знающими самых элементарных мер предосторожности, которые следует предпринять, приступая к данным исследованиям. Чтобы завершить, мы добавим просто следующее: по правде говоря, психизм совершенно независим не только от спиритизма, но также от любого вида «неоспиритуализма», и даже, если он желает быть чисто экспериментальным, он может быть независим от любой теории. На деле, психисты чаще всего являются одновременно более или менее сознательными и явными «неоспиритуалистами», и это положение дел тем более достойно сожаления, что оно по сути своей дискредитирует эти исследования в глазах серьезных и умных людей, что в конце концов,

оставит это поле целиком свободным для шарлатанов и неуравновешенных людей.